

Александр Бергельсон

ВАСЯТКИНА УЧИЛЬНЯ

Истории о юных годах Ильи Муромца

Александр Бергельсон Васяткина Учильня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63830501

ISBN 9785005315847

Аннотация

В этой книге открывается другая Русь, другая история и совсем другой Илья Муромец: у него была юность особенная, полная приключений и событий самых неожиданных. За детьми идёт постоянная охота. Тёмные Силы норовят отбить каждого, мало-мальски способного ребятёнка, у Сил Светлых, чтобы воспитать по-своему. Всё будет в этой Книге: и магия, и единоборства, и Змей Горыныч, но главное – обыкновенные дети, не совсем обыкновенный Учитель и совсем уж необыкновенная УЧИЛЬНЯ...

Содержание

Александр Бергельсон

5

Конец ознакомительного фрагмента.

36

Васяткина Учи́льня

Александр Бергельсон

© Александр Бергельсон, 2021

ISBN 978-5-0053-1584-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Бергельсон Васяткина Учительня

Образование – то, что остается после того, когда забывается всё, чему учили.

Альберт Эйнштейн. «Физика и реальность»

1. Васятка и выбор *правильной* говорильни на время
Учительни

Зарубежные специалисты признают, что эстетическое воспитание в японской школе поставлено шире и основательнее, чем в других странах мира. Уже второклассник пользуется красками тридцати шести цветов и знает названия каждого из них. В погожий день директор школы вправе отменить все занятия, чтобы детвора отправилась на воздух рисовать с натуры или слушать объяснения учителя о том, как распознавать красоту в природе.

Всеволод Владимирович Овчинников. «Сакура и дуб»

День над селом Карачаровым начался, как и полагается, с петушиной переклички.

С утра пораньше взялись крикуны голосистые выяснять: у кого богаче оперение, в ком стати молодецкие сильнее выражены, а, главное, у кого сегодня, в сравнение со днём вчерашним, пенье звонче?

Стоят, хвастуницы, распустили хвостищи, а кому-то, кое-где, уже и клювом по балде.

Перья летят, каждый *первым* быть хочет, никто никому не уступает.

Словом, такой учинили гвалт, что разбудили всё село до единого человека.

Ку-ка-ре-ку!

– Утречко доброе, дяденька Васятка! – Стоя встретили во Училище Васятку Косого его подопечные и поклонились.

– И вам того же. – Поклонился в ответ Васятка. – Все тут?

– Все. – Отвечали пришедшие. – Тока Ильюхи нету.

– Здесь я. – Ильюха уже стоял в дверях Училища. – Здравствуй.

– Здрав будь. – Кивнул Васятка Илье. – Ну, слава Богам! Раз обошлось нынче без отставших да опоздавших, то и начнём занятия наши: день в разгаре, прохладиться некогда. – Васятка окинул рассаживающуюся ребятню единственным глазом, и опять обратился к Илье. – А ты что же, Илья, кузнецов сын, опаздываешь? Или проспал?

– Не. – Илья застенчиво переминался в дверях с ноги на ногу. – Я бате помогал: старосты нашего, Ерофея Силыча, коня держал. Ковать надо, а конь-то и не даётся.

– Дело нужное, – кивнул Васятка. – Такого своенравного дракона, как старостов конь *Дивий*, не всякий осилит: под уздцы удержат.

– А я не под уздцы. – Совсем засмутился Илья. – Я *на руках держал*. Чтобы, значит, батя его подковать мог. Потому как не *стоит* на месте, хоть убей, то брыкается, то вырывается, а то – и кусается.

– На руках. – Васятка покачал головой. – Тогда оно по-

нятно. Тогда...

Остальные ребята дружно засмеялись.

– Тихо мне! – Прикрикнул Васятка. – Ишь, разобрало вас. А ты, Ильюха, иди на место. Хватит прохлаждаться, пора за знания сражаться. Слушай ухом, видь зорче оком! Переходим к урокам.

Илья подошёл к последней, сзади всех, скамье, предварительно опробовав её легонько рукой: выдержит ли?

Скамья выдержала.

Илья сел.

Васятка Косой хитро оглядел собравшихся во Училище.

– Так-так. Вижу я по лицам дитятей, что дитятам сегодня как-то не до занятий. Нет, с одной стороны, оно и понятно: день летний, солнышко припекает, остальные ребяташки играют-бегают, а вам тут сидеть. Но, с другой стороны, – вас ведь никто не заставлял: сами пришли. Что же мне в таком случае предпринять? Отменю-ко я сегодня занятия вообще! Идите с миром. Устрою вам выходной. Только – давайте, вначале расскажу кое-что. Слушать будете?

Училишня загалдела, высказывая гвалтом своим согласие.

– Тогда – уговор: ежели будете шуметь и вертеться, тогда уж мне никуда не деться! Тогда уж придётся идти на жестокое наказание, и давать вам самое на свете *нудное зада-*

ние: лущить и подсчитывать в огороде горох, который нынче уродился не плох, да раскладывая по величине горошинки, не говорить при этом ничегошеньки, до вечера спозаранку, храня *гороховую молчанку*. Хотите, ребятки, возиться с ним?

– Нет! Не хотим! – Ответ был на редкость дружным и слаженным.

Васятка какое-то время помолчал.

Учительня, затаив дыхание, во все глаза смотрела на него, ожидая рассказа.

Но Васятка не торопился.

Он соизмерял свои силы и размышлял о тех, кого вот прямо сейчас видел перед собою.

Сказать честно, непростые ученики достались *на этот раз* Васятке.

Каждый требовал в подходе особенной осторожности.

Как там говорил Волхв, по Учительням главный, когда в Кие-ве-граде всех их, к Учительням приставленных, для большо-го разговора собирал?

«Задача наша сегодня – определить, *как* перепутаны Будущие Дела нового поколения учеников наших в самых разных видах жизни человеческой: конкретно для каждого мальчика, в Учительню пришедшего, и каждой девчущки...»

О том и речь.

К примеру, вот: всегда во всём первый, руку раньше всех тянет и улыбка с лица никогда не сходит: малец по имени Агний.

Весь под стать имени своему: огненный, светлый, где ни появится, всё вокруг сразу же Огнём его внутренним освещено.

Только не знает пока Агний-Огненосец, что Огонь – он *просто так* не горит, что для *поддержания Огня* Агнию, в его жизни грядущей, к Свету зовущей, обязательно потребуются те, кто неминуемо должны сгорать в Огне его ярком, на Пути его Светоносном, Огненном.

Вот такая выходит у Васятки для Агния непростая Учительная задача: научить Агния бережному отношению к людям.

То есть, объяснить самое главное: *нет ничего ценнее на Земле Жизни Человеческой.*

Иначе – бывало уже такое не раз! – приходил Огня Полный, за собою зовущий, и шли за ним многие, да вот только выжженная дотла пустота оставалась после Пришедшего, ибо никто не вложил в Огненосца, за время отпущенного ему, Огненосцу, обучения, *человечного* понимания Порядка Миров.

Или – вот этот, десяти годов отроду мальчишечка, невелик ростом, с головою русой, кудрявой: *Ратай* зовут.

Как донести ему мысль простую: счастье – оно здесь, в краю отчем, а не в приключениях дороги дальней?

Между тем, Великие Боги Странствий днём и ночью зовут Ратая из дома прочь: весь Мир обойти, в странах самых дальних побывать непременно...

А ведь Ратай, согласно имени своему, по Законам Жизненным, обязательно стать должен не кем-то, а именно Землепащем!

Землю пахать, урожай собирать, бережно хлеба сеять, всходы лелеять...

Вот такому Пониманию Порядка и должен научить он Ратая за недолгое время обучения.

Но и это – не самый трудный случай.

Куда сложнее с соседом Ратая по скамье, Тороватой.

Тут уж совсем путаница.

От рождения предписано Торовате быть купцом, так почему же мечтает он вместо стези торговой непременно пойти воевать?

Почему грезит ратными подвигами, мечом булатным, как во походы пойдёт, как врагов побьёт со дружиною своей, как домой возвернётся с победной боевой славой?..

Значит, нужно исправлять Ошибку Судьбы: научить Торовату пониманию Порядка *торговому*...

Порядок – он ведь есть *Общий для всех*, а есть – у каждого *свой* в будущем возможном Мире.

Личный.

Свой, а не чей-то.

Васятка оглядывал Учительню, раскладывая по полочкам свои наблюдения.

Так начинался каждый его день во Учительне.

Уже много-много лет.

Впрочем, *так плохо* с детьми не бывало ещё ни разу.

Кого ни возьми.

Васятка остановил взгляд на Веселине, дочери швеца Агапа.

Сидит, пригорюнившись, в стёганой душегрейке, вздыхает тяжело, мёрзнет всё время, словно холод этот у неё внутри.

Пригожа с лица, да и умом не обидели Боги...

Только вот незадача: должна быть Веселинка – болтушка, неуёмная хохотушка, а она лишь исподлобья глядит, тучи мрачней, на любое словечко обижается, и от того в глазах постоянно слёзки.

Значит, *весёлому понимающе* Порядка предстоит Васятке научить Веселину.

Причём, *обязательно* научить, потому что – *так надо*.
Надо, и всё.

Васятка, вздохнув, повернулся к сидящей справа от Веселинки Добраве.

Вздохнув, потому что и здесь не обошлось без сложностей великих.

Душа у Добравы от рожденья особая, не пожалели Боги доброты, драгоценную душу вложили в Добраву.

Так чего же она, Добрава-бедняжечка, огрызается на любое слово сказанное?

Отчего смотрит вокруг настороженно, словно всё время ждёт подвоха и обиды?

На всех ярится, прочих детей дичится, без причин злится, ругаться кидается, только что не кусается...

Значит, *доброму пониманию Порядка* предстоит Васятке научить Добраву.

Имени соразмерно.

Призванию.

Сути первоначальной, ныне исковерканной.

Той самой, которую видит он, Васятка, оком своим единственным.

Это у него, Васятки, Дар такой особый: видеть *истинную*

сущность их, подопечных своих ребятишек...

А вот – ото всех в сторонке, на отдельной скамье, томясь и улета в мечтательные дали, сидит раскрасавица по имени Разумея.

Хлопает Разумея длиннющими ресницами, тайком сладости ест без перерыва, облака на небе в окошечке наблюдает, вообще ничегошеньки не понимает.

А ей и не хочется – понимать.

Так у Разумеюшки голова устроена: думалка не включается, сызмальства не бывало ни одной мысли.

Сквозняк через *у*хи продувает, пустота одна в голове получается.

Хотя, Волхвы ещё до рождения Разумеи дружно пророчили: нигде на Свете, включая всяческие заграницы, не было и не будет *умнее барышни!*

Но что-то пошло с Разумеей не так.

Не вышло из Разумеюшки Василисы Премудрой...

Так что, теперь *разумному* *пониманью* Порядка обязан обучать Васятка Разумею каждый из дней, на учёбу отпущенных Богами.

Васятка давно уже понял: всё это – происки Тёмных Сил. С целью Будущее возможное изменить, свою выгоду при

этом поимев повсеместно.

Для чего, собственно, и лишили напрочь целое поколение подрастающее понятного и чёткого *Завтрашнего Дня*.

2. Из чего Учильня слагается, чтобы всё было, как полагается

Отрицать больницы и школы легче, чем лечить и учить.

Антон Павлович Чехов. «Дом с мезонином»

Однако более медлить нельзя.

Заждалась Учильня...

Ну, Боги нам в помощь!

И Васятка Учильне улыбнулся.

И Васятка начал обещанный рассказ.

Начал, естественно, издалека, как и полагается умелому и опытному рассказчику.

– Жили-были, где шли, где плыли, где ползли на карачках, где везли друг друга на тачках: колёсики скрип-скрип, пой песню, пока не охрип, о далёких странах, о народах странных, о том, как в дремучем лесу обманул Заяц Лису, о том,

как у тачки сломалась ручка, а тут как раз – муравьиная кучка. Стыд-то какой! Лежу лицом в кучке той, невмочь подняться! Вот Муравьи и стали кусаться. Особенно отличился, который за нос уцепился: на носу повис, так нос и отгрыз. Пошёл я к Бабе Яге, Костяной Ноге: «Сделай мне, бабуля, новый нос по заказу!..» Отвечает Яга: «Могу, но не сразу. Вначале надо мерку снимать, размер носа определять: сколько в длину, сколько в ширину? Был ли нос твой крючком? Был ли пяточком? Был ли широк, огромен, нюхать удобен? А то, может, наоборот: свисал, прикрывая рот? Или же – вообще был безобиден, на лице не виден? Тогда это – другой вопрос: как изготавливать *скрытый нос*?.. Опосля идёт подготовка прототипа: какого конкретно нос будет типа? Маненько кривой, али прыщавый какой, али вообще – навроде турецкой сабельки, а изнутри – текут капельки...» Послушал я бабушку, схватил ноги в охапку, побежал к кузнецу, тут кузнец к моему лицу приковал носяру из чистого железа. Ни у кого нету такого носяного протеза! Всяк удивится, кто на нос мой глянет... одно плохо: к земле носом тянет! Тяжёл нос для ношения без опаски... но это так: присказка до начала сказки. Без цели, без причин – просто *зачин!*

Ильюха на задней скамье нетерпеливо заёрзал: очень Ильюху раздражали подобные виды говорения, потому что возникал у Ильюхи единственный вопрос, чёткий и жёсткий: зачем такое количество слов, если в них нету *ничего по существу?*

Васятка про себя хмыкнул, легко прочитав на лице Ильюхи все его страдания, да и перешёл к самому рассказу, Илью, видимо, жалеючи: невтерпёж уже мальцу, надо уважить!

– Не в тридевятом государстве, не в тридесятом царстве, а у нас, считай, рядышком тут, где такие же, как мы, люди живут, где практически нашенская местность и территория, – случилась *история*.

Голос Васятки обволакивал слушателей, и начинали вдруг возникать чёткие картинки, где прямо сейчас оживало всё, рассказываемое Васяткой, самым на то странным и удивительным образом.

– А дело было так. Сидел на пенёчке Иван-Дурак, и, в голове имея явные неполадки, мастрячил что-то вроде Рогатки. Только Дурак, хоть Дурак, да не прост! Рогатку мастрячит в человеческий рост. Изыскал в лесу дерево подходящее, двумя вершинами в небо глядящее. Топором тюк-тюк, пилою вжик-вжик, рукастый мужик, умелый мужик, *т*рудится основательно, и напевает беспечно, хотя, по сути, Дурак, конечно:

*«Ой, да будет у меня,
Ещё до исхода дня,
Хороша рогатина,
Круче, чем батина.*

*И станет стрелять,
Врагов поражать,
Точнее она,
Чем у старшего брата.*

*Недрузи, трепещите!
Спасения не ищите!
Не видать вам, супостаты, пощады
От рогатки моей, проклятые гады!..»*

Получилась рогатка у него *велика*. Но Ивашка, тесал да строгал пока, придумал колёсики для передвижения, чтобы выкатить рогатку на место расположения, откуда будет удобней, как раз, – рраз! – и попадать противнику точно в глаз. Колёсики приспособил, и тетиву особую *сробил*, потому как рогатка должна стрелять, а не без дела среди боя стоять. Не знаю уж как, но наш Ваня-Дурак где-то надыбал жилы животные, для растягиванья пригодные, и, проявив терпение, хитрое умение, соорудил дальнобойное метательное приспособление. Кладёт каменюгу, берёт поправку на ветер к югу, растягивает жилу до отказа, и – лети, каменюга, во враждебну заразу! Каменюга летит, только свист стоит. Ежели птица на пути встречается, то птице сразу кирдык намечается. А ежели попадутся на пути дубы *крепки*, то на месте дубов получают щепки. А ежели, скажем, встанет

гора, то гора – насквозь, и в горе – дыра. А ежели, скажем, крепостной вал, то от вала один полнейший развал... Проста и надёжна, в обращении не сложна, когда закончилась доводка-наладка, получилась за-ме-ча-тельная рогатка! Во всём послушна руке Ивашки, да к тому же – бьёт без промашки.

– Без промашки! – Повторил с последней скамьи Ильюха. – Так и надо! А иначе – какой смысл?

Учительня дружно поддержала Ильюху, но под нарочито суровым взглядом Васяткиным вмиг смолкла, приготовившись слушать дальше.

Ильюха – это разговор отдельный.

Васятка слышал однажды от одного мудрого переходжего монаха Веры В Бога Христа, что иногда является на Свет человек, у которого полностью совпадает то, что дано от рождения, с тем, что такому человеку предназначено сделать в Жизни.

Монах сказал ещё, что на латинском наречии таких людей называют «Adamantem»: «Непреклонный», или «Человек-Алмаз».

Силища в Ильюхе невероятная, Душа на Весах Правды тщательно взвешена, добра, чиста, смела, и, при этом, не в противоречии с Умом и Сердцем.

Но – слишком прямолинеен Ильюха, даже простоват.

В этом, по мнению Васятки, таилась возможная для раз-

вития характера Ильюхиного опасность: одно дело, когда *много дано*, но, совсем другое дело, если всем *данным* человек так и не научился *правильно пользоваться*.

Илье ведь не просто *жить* предстоит, Илье предстоит – Путь Особый: идти, определяя, где чего *неправильно устроено*, и заниматься исключительно *наладкой Порядка в Мире*.

Или – в Мирах, тут уж, как получится.

Значит, *умелому Сотворенью Порядка* должен обучить Васятка.

А как?

Никто подсказки не даст.

Сам Васятка придумать обязан, сам дойти до правильных слов, ни в чём ухитряться не обмануть ожиданий Ильюхи, который сидит прямо сейчас и слушает, раскрыв рот, рассказ Васяткин...

По улице, словно бы случайно, прошёл швец Агапка.

Очень не нравились Агапке дочери его, Веселины, ежедневные походы в Училиню.

– Нечего там девам делать! – Говорил Агапка, не скрывая отношения своего вовсе. – На кой им Училиня? Детей рожать, по хозяйству хлопотать: много ли для этого надо? Глупое и бессмысленное дело. Зря мы потакаем Васятке Косому в Училине, ох, зря, при всём моём уваженьи к его про-

шлым заслугам воинским по защите Отечества.

Впрочем, мужики Карачаровские Агапку не поддержали. Даже наоборот.

Осудили речи его, всем сходом села порешив: и грамоте, и знаниям о прошлых событиях, происходивших не только в нашенских, но и в иных землях, а также основам счёта и прочих наук учить следует всех, без исключения, ибо времена настают таковы, что без Училищи никак.

А времена, и вправду, удивляли происходящим ежедневно, грозя ещё большими непонятками в Будущем.

Белян Домодел, первый умелец по избам аж до Земель Варяжских, ездивший ставить в Киев-град терем новый боярину Лавру-Акинфию Чюдину, так прямо и сказал:

– Гниль прёт в народе. Семнадцать раз на большой дороге средь бела дня людишки лихие подкатывали: типа, раз едешь, то и плати нам, подорожным охранителям проезда, мзду путевую. Я их, конечно, по-свойски отмутузил все семнадцать раз, но осадок остался неприятный. Это ж где видано такое беззаконие? Тут, братья-односельчане, лично я усматриваю явное упущение со стороны Власти Княжей, плюс, конечно, общее падение нравов.

– То ли ещё будет! – Мрачно встрял Фролка Кудря, человек торговый, во дорогах проведший чуть ли не всю жизнь. –

Волхвы так вообще открыто говорят: готовьтесь, люди добрые, к полному концу Света.

– А что же будет, когда Свет кончится? – Испуганно поинтересовался Юшка-Водовоз, человеку невеликий что умом, что ростом.

– Кощеево Царствие. – Отвечал Фролка. – Есть, впрочем, надежда. Волхвы, опять же, достоверны сведенья заимели из первых уст. Боги Волхвам весточку ниспослали тайную: дескать, спасение от Конца Света и Кощеева неминуемого Пришествия вполне возможно, ежели успеете вы дитёв правильно воспитать и подготовить, потому как именно среди них, детёв ваших нынешних, и есть *некто*: будущий Спаситель и Избавитель, который Конца Света *не допустит*. Вот так-то, Агап. Теперь рассуди сам: где в Послании Богов сказано, что избавитель народный обязан быть обязательно мужского полу? Вдруг это вовсе даже и дивчина какая окажется? Вспомни, к примеру, Нова-Города героиню, Марфуту! Она ж, добровольно к Змею-Пятиглаву подалась, женою верной ему прикинулась, а потом и отсекла все пять евонных голов во *перву* брачную ночь.

– А что ей ещё было делать с таким жутким характером? – Вмешался Белян. – Я не говорю уже про внешний облик. Говорят, кто лицо этой Марфуты хоть раз видел, неделю потом заикался. Да и про Змея – тут тоже поправку следует внести. Она, Марфута, стало быть, ко Змею идя, нарумяни-

лась, напوماдилась, кисеёю тончайшей лик сокрыла, а как у Змея до ночных ласк дело дошло, кисею и сняла. Тут-то Змей её во всей красе несказанной и увидал! Ахнул, бедолага, от ужаса, позеленел весь, да и предпочёл сам себе лично все пять голов отсечь, чем со Марфутой во постелю ложиться! Вот такая она есть, историческая правда.

Мужики дружно посмеялись.

Агап, впрочем, хоть и посмеялся со всеми вместе, мнения своего об Училище не изменил ни на вершок, но доказывать ничего не стал: раз село Карачарово решило, что *учить надо*, так тому и быть, по Праву и Закону Общего Схода.

3. Кое-что про Дураков, кто Дурак есть таков, да и про Мир окружающий, кому и чем угрожающий

Сегодня в школах за партами тоже сидят фантазёры, шалуны и упрямыцы. Будущие горчаковы, которые изменяют государство. Будущие пушкины, которые изменяют культуры. Будущие пуцины и кухельбекеры, которые изменяют общество. Будущие великие, которые изменяют наш мир.

Дмитрий Владимирович Миропольский. «18—14»

Васятка проводил Агапа-швеца понимающим взглядом:

ясен пень, недоволен – доча подросла, так что, вполне уже может шитью батянинному вспомогать по полной, а тут её, почитай, каждый день дома нету...

Учительне же сказал слова такие.

– Не в том, Ильюха, дело, что рогатку Дурак-Ивашка смастерил умело, и не в том, что рогатка Ивашки бьёт без промашки. А исключительно в том, что всё им, Дураком, даже между другими делами изготовленное, получается *чудесное* да *особенное*. Людям всегда пользительное, по качествам исключительное, удивительное, неповторимое, и – в работе незаменимое. Отсюда, вопрос правомочен, конкретен и точен: ежели оно – так, то почему Ивашка – *Дурак*? Кто даст ответ? Разве он глупый? – нет. Разве он ротозей-неумеха, чья жизнь – не глянешь без смеха? Тоже, вроде бы, нет. Где же ответ? Почему Иван *Дураком* прозывается, на *Дурака* отзывается, плюс – *ни капельки не обижается*?

Васятка помолчал, оглядывая Учительню.

– Может, он хитрость какую задумал? – Отозвалась на Васяткин вопрос Добрава. – Решил отмстить обидчикам, сразу всем, за «Дурака». А заодно уж и доказать всяким там разным шибким умникам, кто, на самом-то деле умён, а кто – сам дурак последний!

– Ну, это вряд ли. – Покачал головою Агний. – Не таков, если по рассказу дяди Васятки судить, перед нами человек, чтобы мстить или чего доказывать. Скорее всего, Ивану оно

без разницы, как и кто обзывать станет. Хотя, надо было б, конечно, обзывателей поучить хорошенько: кому в глаз, кому в зубы!

– Молчали бы уж. – Вмешался Ратай. – Слово Дурак только у нас обидное. А вот, к примеру, в стране Испании, чтоб вы знали, «*дурра*», если с ихнего на наш язык перевести, означает «*твёрдый*», «*непоколебимый*» и, даже, «*суровый*». Может, Иван этот был настолько непоколебим в своём стремлении врагов одолеть, что его на испанский манер звать стали?..

Учительня дружно засмеялась.

– Интересное предположение. – Поддержал Ратая Васятка. – Но, сделайте одолжение: бросьте раньше времени хохотать! Дайте начатое до конца рассказать.

И, дождавшись, когда смех стихнет, дал объяснение.

– Вот что я вам скажу, на что, стало быть, укажу, об чём вам поведаю честно. Да будет, ребяташки, вам известно, «Дурак» в данном случае – не обзывание, а особенное признание непонятного качества *данного* человека, который испокон века отличается от остальных человеков-людишек тем, что у него *фантазий излишек*, и он эти свои *чрезмерные фантазии* претворяет в жизнь при каждой оказии. При этом заметьте, выгоды ему никакой. Мимо текут рекой – почестей орава, прибыль и слава, богатство неминуемое и вся-

ческое благополучие. А Дураку до всего этого – сугубо фиолетово! Никакого в Дураке нет к выгоде интереса: Дурак делом занят *ради процесса*. К примеру, идёт, сама себя за собой ведёт, прямоезжа дорога, пряма, полога. Но Дурак, – он потому и Дурак: обычной дорогой ему никак. Обязательно понесёт его по путям нехоженным, пустыням обезвоженным, кручам непроходимым, местам нелюдимым, к опасностям непредупредимым, сразиться с врагом, до этого непобедимым... И – главное! – вернётся, ведь, невредимым! А люди вокруг лишь руками разводят, объяснения не находят: как? Почему? Неподвластно уму! Хотя, при всём своём удивлении, единодушны во мнении: да нехай, дурень, что хочет творит! Он – Дурак. Он, всё равно, *победит*.

Училиню слова Васятки развеселили сильнее прежнего: теперь ребятишки смеялись, и, показывая друг на дружку перстом, обзывались.

– Дурак! Дурак! – Слышалось со всех сторон.

Тут неожиданно Агний со скамьи своей первой голос подал.

Да не просто так, а с глубокой задумчивостью во взоре:

– Дядя Васятка, а кого Иван-Дурак этот воевать рогаткою собирался? Ведь, как я понял, он потому Дурак, что ничего *просто так* делать не станет, без причины. А уж тем более – орудье придумывать да изготавливать. Значит, была *угроза*. Значит, объявился на то время явный и опасный вражи-

на. Или я ошибаюсь?

Учительня притихла.

Васятка одобрительно кивнул Агнию, и ответил со всей серьёзностью.

– Всё ты правильно полагаешь, грамотно излагаешь, одного лишь не знаешь, мил друг: и *без причины* Зла слишком много вокруг! Человеку Мир окружающий – всегда чем-нибудь угрожающий. Так что, *правильно*, если ты – всегда, даже если тебе не грозит беда, в любой миг нов, живёшь, к угрозе готов. На этом вся жизнь и строится, будущее покоится, этому человек с рождения учится, иначе – жить не получится. Оттого и мамка у колыбели, чуть ли не с первой недели, старается своему дитяти сказочку рассказать. И, вроде, всё у той сказки – одни побаски. Этакая, дабы жизни учить детишек, *пугалочка* для девчонок-мальчишек. Да только выдумки в сказочках, мудрых рассказочках, никакой нету: всюду по белу Свету запросто можно встретить создания, о которых вещают сказочные сказания. Иначе бы – не появилась по ходу рассказа вся эта зараза. Для чего, к примеру, детям говорить, что нельзя в тёмную чашу ходить, ежели в той тёмной чаше Баба Яга не встречается зайца чаще? Заяц-то от людей хова~~е~~тся, а Баба Яга, наоборот, *встретить старается*, потому как у Бабки Ёжки – с каждой такой встречи маленько кормёжки. Баба Яга, костяная нога, Страхом человечьим питается, от Страха того насыщается, от Стра-

ха того становясь сильнее, делаясь здоровее. В воде – Водяные, в домах – Домовые. В поле – Полевик*и*, Русалки – на дне реки. Изволь постараться никому не попасться, живым остаться. Должна быть детям дана полная ясность, где какая опасность, иначе – детишки все *им* достанутся, жить *людьми* не останутся. За вами, ребятки, идёт охота. Вас, ребятки, всем заграбастать охота! Потому что от вас, ребятки, зависит и Жизнь, и Тлень: то, каков он будет – Завтрашний День!

Васятка внимательно посмотрел на Агния.

– Понимаешь теперь, парница, *откуда* у Ивашки про рогатку мыслища?

– Понимаю. – Кивнул Агний. – Дело серьёзное!

– А разве оно *не серьёзно* бывает, когда враг угрожает?

Васятка вернулся на своё место перед скамьями Училища.

– Вот о том и думал Иван-Дурак, думы собрав в кулак, дабы думы, не пропав даром, тоже стали по врагу ударом. К тому же, о ту самую пору, пришла весть пограничну дозору: степные дикие племена, которых вокруг Руси допона, шибко стали шалить-буянить, планы варганить, как бы на нас нападать. А ещё, должен я вам сказать, близилось время Змею Горынычу прилетать! Так что, вполне понятно – шли, чётко и внятно, размышления Дурака-Иванушки касательно рубежей отчизны охранушки, сводясь на рогат-

ки изготовленье-устройство... Особо, конечно, Змей Горыныч вызывал беспокойство, поскольку Змей Горыныч, стержовоза, завсегда – угроза, всех остальных пострашней! Вот мы и поговорим *о ней*. Нрав Горынычевый таков: сейчас, как и до начала веков, сидит в засаде, терпенья набравшись, и вылезает – лишь случая дождавшись, когда *появление его* даст неминуемы результаты, ибо зело мудры данные супостаты. Века долгие мудрость они копили, всех хитрей были, оттого любых прочих-древнейших, при Сотвореньи первейших, нечистей пережить сумели, и в этом деле поднаторели. Остальные сгнули и пропали, а Горынычи – сидели и наблюдали, а где все прочие гибли, – они выкарабкивались, потому как – *всегда приспособливались!*

Залетевший на тот момент рассказа в оконце шмель, услышав про Горыныча, зажужжал негодующе:

– Жжжуть! Жжжуть!

И поспешно улетел туда, где можно ни о чём страшном не вспоминать *вообще*: к цветам луговым, к травам зелёным, к солнышку яркому и дню светлому.

Зато Училяня Васяткина слушала дальше, и очень-очень внимательно.

Чего, собственно, Васятка Косой и добивался.

– Но, наверное, самое скверное, что в те времена оны, – предостерегающе продолжал он, – люди приняли Горыны-

чевы Законы, даже не пытаюсь бороться и сопротивляться. Чем всё время бояться и ждать смерти днесь, лучше уж дани несть! К примеру, сегодня не заплатил дани я, а завтра стану Змею – предметом питания. Или, что ещё хуже: Горыныч ведь суров дюже! Его прогневав, даже чуточек, отдать придётся в полонение дочек. Их забирает, делает жёнами, и они становятся *змейством прокажёнными*: рожают Горынычу детёнышей проклятуших, змеёнышей злющих. С виду человек вроде, но, по своей породе, ежели приглядеться, увидишь змеиное сердце, безжалостное до подлючести, полное лютой змеючести. А в головёнке – змеиный ум, полный конкретных змеиных дум, сведённых к желанью неутолимому: урвать побольше себе, любимому! Всё шло именно так, пока не появился Иван-Дурак. Люди живут, там и тут, мучаются, страдают, продыха не знают. А Горыныч сидит на высоких горах, чёрных скалах, во пещерах глубоких, левой озёр синеоких. В очах озёрных небо отражается, на дне Красный Рак с Водяным Дедом сражается. Ежели Красный Рак побеждает, он потоп порождает, а ежели одолеет Водяной Дед, то, кроме засухи, ровно сто лет – ничего больше по Белу Свету, как бы, и нету. Рыбы на сушу выходят жить, стараются ноги себе отрастить, и, ковыряясь в грязи помаленьку, глядишь, да и строят себе деревеньку. Отсель, собственно, чтобы выжить было удобственно, и появилось, так сказать, человечество, заселившее наше Родное Отечество. Змей Горыныч тому Водяному Деду братишка-близ-

нец, а Красному Раку – родный отец, породивший среди пещерного мрака этого Рака.

Про Водяного Деда ребята слышали, и не раз.

Ещё бы!

Водяной – Вод Повелитель, исконный и единственный Господин рек да озёр: имеет собственное хозяйство, уголья подводные, скотину, состоящую из рыб и водоплавающих птиц, а уж дочери его, Русалки, так это вообще разговор отдельный.

Но вот про Красного Рака – впервые.

Илья, к примеру, так даже кулаки сжал, чтобы, значит, лучше запомнить: ещё, стало быть, одна гадина враждебная, про которую знать обязательно следует!

Запасливым и весьма обстоятельным человеком рос Ильюха, ко всему имея чисто деловой подход.

Тут неожиданно Разумея, до этого слушавшая в пол уха, да исподтишка выглядывавшая за окно, на волю-вольную, вдруг сказала:

– Враки это всё про Горыныча. Он-то, как раз, и не враг вовсе роду человеческому, а совсем даже наоборот: типа, родитель.

И смолкла, словно бы утомившись от непривычно длинной и неожиданно связной речи своей.

Добрава Разумею тут же поддела:

– Ой! Смотрите-ка: *она разговаривает!* А я думала, Разумея наша только красоту свою перед людьми молча и гордо проносить умеет: направо пойдёт – улицу осчастливит, налево – так цельный переулочек...

Учильня опять засмеялась.

Разумея же на Добравины колкости среагировала равнодушно.

– Не завидуй, Добравка: и на таких, как ты, тоже *иногда смотрят*. Ежели, конечно, рядом *меня* нету.

Учильня уже совсем заходилась от смеха.

– Интересно! – Теперь Васятка обращался только к одной Разумее. – Объясни, Разумеюшка: это как – «родитель»? А мы послушаем. Что касательно тебя, Добрава разлюбезная, то пускай в словесном единоборстве твоём со подругой пока будет как бы ничья: обе вы поддели друг дружку сильно и метко. Правильно, ребята?

– Да! Да! Ничья! – Загалдела Учильня.

Добрава молча кивнула, метнув на Разумейку уничтожающий взгляд: ничо, дескать, я те ещё покажу!

Васятка про себя отметил, что надо будет в самом скором времени придумать этим двум поединщицам общее на дво-

их задание, чтобы делали, например, украшение Училища к Праздникам на пару...

Вслух же произнёс:

– Уж не дай нам, Разумеюшка, стаять от любопытства! Заждались! – И даже голову склонил низёхонько, словно моля Разумею поскорее слово молвить.

Разумея, поправив косу русую, обвела невероятной красоты глазами Училищу.

– Горыныч с Небес прилетел на Землю и даровал избавление от бед. – Слегка растягивая слова, словно бы нехотя, проговорила она. – О ту пору на Земле только ужасы сплошные творились, ибо правил везде и всюду жуткий Царь Ад-Ам, что означает по первым двум буквицам «Ад» – «Абсолютно Дикий», а по остальным – «Ам»: в смысле, только бы ему пожрать, брюхо набить. Горыныч решил людей спасти, и принёс в Мир прекрасную Деву по имени «Чрева», дабы Ад-Амову дикость прекратить через Любовь. Ад-Ам как Чреву увидел, так и полюбил. До того он Любви не знал, естественно: кабы знал, то дикость бы перестал творить сразу, ибо Любовь – она облагораживает любого. Словом, унялся Ад-Ам, Чревою-Девой усмирённый. После чего и началась нынешняя жизнь на Земле, исключительно благодаря вмешательству Горыныча: а то бы ведь так и влачили Ад-Амское кошмарное бытие.

Васятка хотел было Разумею похвалить за рассказец,

но не успел.

– А вот и не так!

Вмешалась, перебивая, Добрава.

– Никакой Ад-Ам был *не дикий*! Просто до того, как Чрева не появилась, и, кстати, её вовсе не Горыныч какой-то там притащил, а сама Мать Сыра Земля породила, Ад-Ам Доброты не ведал, и Зло творил. А Чрева его Добру научила, вот!

– Хватит чушь-то нести.

Мрачно, но очень веско, вмешалась Веселина.

– Понимать надо: ежели бы Добро могло Зло превозмочь, давно бы уже была везде и навсегда счастливая жизнь. И Ад-Ам этот – он шибко упёртый был, подчиняться Горынычу не желая. Вот Горыныч и подсунул ему Девку вашу, Чреву. С той поры всё как раз и стало во сто раз хуже, потому как Ад-Ам больше Злу противостоять не мог, изойдя весь на Любовь! – И добавила, аж кулачки сжав от ненависти. – Любовь во всём виновата! Носитесь с Любовью этой... а на деле – в Любви-то оно и есть, главное Зло!

– Да ну вас. – Отмахнулась Разумея, и, полностью отревнившись от остальной Училини, опять уставилась в окно.

Илья думал о чём-то своём.

Остальная Училиня, притихнув, переваривала только что произошедший спор.

День явно помрачнел.

Солнце спряталось за тучей.

Травы и деревья казались серыми, словно кто-то только что скрал их яркую зелень.

– Всё как всегда. – Подумал Васятка. – Ох уж, эти силы немереные, возможности необузданные, души неокрепшие! Дай Боги им не сбиться с Дороги, а то, глядишь, и вправду, на веки вечные, так и останется Мир сер, Веселинка – в Добро не верящей, Добрава – спорщицей без толку, всегда ради самого только спора и любой ценой, но победы, а Разумея – в пустых мечтаниях без какой-либо жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.